

На вопросы главного редактора журнала «Закон» Александра Верещагина отвечает **профессор Кембриджского университета Нил ЭНДРЮС**

ПРАВОВАЯ СИСТЕМА БЕЗ ЭФФЕКТИВНЫХ ГРУППОВЫХ ИСКОВ УЩЕРБНА*

Родился 15 января 1959 г. в Бристоле.

Обучался в оксфордском колледже Брейсноус.

С 1983 г. преподает в Кембриджском университете.

В 1981 г. стал барристером, а в 2007 г. был избран старшиной ассоциации барристеров *Middle Temple*.

Также был членом Американского института права.

С 2000 по 2006 г. участвовал в разработке Принципов транснационального гражданского процесса на базе Американского института права и Международного института унификации частного права УНИДРУА.

В качестве эксперта по применению норм процессуального и договорного права принимал участие в рассмотрении различных транснациональных споров.

Автор многочисленных исследований в области процессуального права, арбитража и контрактного права.

— Часто ли групповые иски рассматриваются английскими судами и насколько они вообще перспективны? Какие виды коллективных исков обычно используются в Великобритании?

— По сути, в Соединенном Королевстве (за исключением Шотландии) существует два основных типа производства по групповым искам.

В первом случае люди присоединяются к одной судебной тяжбе, так что каждый становится стороной в соответствующем процессе (т.е. речь идет об объединении соистцов). Второй тип мы называем представительским судопроизводством — это форма,

* Редакция журнала «Закон» благодарит партнера лондонского офиса фирмы *Bryan Cave Leighton Paisner* Р.М. Ходыкина за помощь в организации интервью.

которую восприняли американцы в виде их института коллективных исков и при которой один человек ведет процесс от имени всех представляемых им лиц — членов группы.

Говоря о первом типе, стоит сказать, что люди всегда могли самоорганизоваться таким образом, чтобы стать соистцами в рамках одного процесса. Предположим, произошло некое событие, затронувшее большое количество людей и повлекшее для всех них схожие экономические потери, например массовое причинение вреда или крупное финансовое правонарушение. Если в этих обстоятельствах можно идентифицировать потерпевших, то нет никаких препятствий для того, чтобы они, скажем так, скоординировались и спонтанно объединились для участия в одном и том же процессе в качестве соистцов. Такая возможность существовала всегда.

В 2000 г. английские Правила гражданского судопроизводства были изменены, и в них появился так называемый приказ о групповом разбирательстве (*group litigation order, GLO*). В основном им пользуются люди, желающие предъявить иск (но не направить возражения по иску). Он также может использоваться в случае, когда есть несколько ответчиков, но в реальности он в основном касается требований. *GLO* — это хорошо скоординированная форма ведения судебных дел. Она позволяет судам эффективно объединить иски и обеспечить движение дела вплоть до судебного разбирательства.

При этом суд должен дать разрешение на рассмотрение дела по правилам *GLO*. Это важное требование, без соблюдения которого групповой процесс не начнется. Суд по своему усмотрению определяет, является ли данный случай подходящим для получения приказа о групповом разбирательстве дела. Такое решение не принимается автоматически и даже не зависит в полной мере от желания истцов. Иначе говоря, первоначальным и ключевым условием рассмотрения вашего иска по правилам группового производства является судебное одобрение. За этим стоит идея, что мы не хотим начинать заведомо бесперспективные дела, которые станут пустой тратой денег и времени, в том числе ценного и вовсе не бесконечного судебного времени. На мой взгляд, это разумный контроль, нужный нам для того, чтобы избежать серьезных ошибок.

Если суд посчитал групповое производство целесообразным, он определяет в *GLO* общие для членов группы вопросы. Это несколько схоже с заявлением судебного ходатайства, когда вы называете главные обстоятельства, послужившие поводом для подачи заявления. Другое лицо может присоединиться к группе, только если обстоятельства его дела совпадают с обозначенными. Вступление в группу является полностью добровольным.

Таким образом, в первом типе группового судопроизводства группа истцов формируется по модели *opt-in*. Присоединяющийся член группы сообщает о собственных претензиях и включается в реестр участников — сторон группового разбирательства.

И надо сказать, что такой механизм работает очень хорошо. Он достаточно управляем и не несет в себе риска втягивания людей в судебный процесс без их согласия.

|| Суть *GLO* в том, что членом группы становится только то лицо, которое самостоятельно приняло решение вступить в группу. Это свободное решение индивида.

— Расскажите об этих моделях подробнее.

— Сложившаяся в Англии и Уэльсе система уходит своими корнями в глубину веков. Одни механизмы являются современными изобретениями, история других насчитывает сотни лет. Например, объединение соистцов, с которого я начал (когда люди вступают в общий процесс совершенно спонтанно и добровольно), существует уже несколько веков. Технически количество соистцов здесь ничем не ограничено и может достигать сотен тысяч, т.е. такая модель буквально всеобъемлюща. Это обычный *opt-in* инструмент, который позволяет людям, пострадавшим по одной и той же причине (нарушение договоров, совершение деликтов и т.д.) и тем самым разделившим общее несчастье, собраться вместе в одном процессе или предъявить общий иск. Этот вариант часто используется, например, в ситуациях, когда все эти люди участвовали в одном и том же коммерческом предприятии и понесли аналогичные экономические потери. Еще один пример — какое-либо правонарушение, повлекшее, допустим, загрязнение окружающей среды или другой вид ущерба. Обычно в таком случае легко установить

пострадавших (если это, конечно, случилось не десять или более лет назад, потому что в случае правонарушений, которые растянуты во времени, трудно очертить круг жертв).

GLO — второй механизм, о котором я говорил, — возник в 2000 г., всего 21 год назад, и стал результатом изменений в законодательстве. По сути, правила о *GLO* — это некий мини-кодекс внутри основного процессуального кодекса. К моменту его введения у нас уже накопился некоторый судебный опыт по части того, как управляться с требованиями множественных истцов. И в конце 1990-х гг. было решено, что нужно закрепить этот опыт нормативно, включить в процессуальные правила специальный раздел о *GLO*.

Хочу подчеркнуть, что и объединение соистцов, и *GLO* не сводятся к какой-то одной области правоприменения. Напротив, это общие свойства гражданской процессуальной системы, применимые к любому типу исковых требований, будь то иск, предъявленный к частной компании, или к физическому лицу, или к муниципалитету, местным органам власти, или даже к правительственным структурам (к государству). Более того, оба этих механизма существуют и за рубежом.

— В своей книге “*Three Paths of Justice*”¹ Вы назвали представительское судопроизводство не очень удобным и довольно необычным. Ваше мнение не изменилось?

— Я рассказал вам первую часть истории. Повторюсь: (1) объединение соистцов — модель, при которой люди вступают в группу добровольно, по принципу *opt-in*, и (2) *GLO* — модель, которая была нормативно закреплена в 2000 г. (и она тоже строится на принципе *opt-in*). Теперь мы переходим ко второму типу судопроизводства. В его рамках мы также имеем две модели, когда лицо подает иск от имени других лиц: одна универсальная, вторая же предполагает обращение в специализированный трибунал, рассматривающий исключительно антимонопольные споры. И этот тип представительского судопроизводства — это, конечно,

совершенно отдельная история. Здесь речь идет о том, что некое лицо выступает от имени другого лица, причем даже необязательно получив на это его согласие. По этой причине такой тип судопроизводства называют моделью *opt-out* — в том смысле, что лицо, желающее выйти из группы, должно прямо заявить об этом.

Как я уже сказал, этот тип имеет две формы: первая — это непосредственно представительское судопроизводство, которое урегулировано в Правилах гражданского судопроизводства. Его история началась примерно в XIX в. или чуть раньше, когда суды справедливости придумали систему, позволяющую одному человеку действовать от имени группы людей, заинтересованных в решении одного и того же вопроса. Причем решение это становилось обязательным для всех участников процесса — они должны были принять любой исход, и успех, и выигрыш. В любом случае они были связаны этим результатом. Один член группы вел процесс от имени всех остальных, и не только ради собственной выгоды.

Такая возможность процессуального представительства в сочетании с обязательностью решения для всей группы по принципу *res judicata* в исторической перспективе оказалась серьезным шагом. Именно этот подход переняли в XX в. США, закрепив его в Федеральных правилах гражданского судопроизводства. Американцы взяли этот английский институт на вооружение и сказали: «А ведь можно использовать представительское судопроизводство в различных контекстах — не только в делах о судебных запретах, но и когда речь идет о компенсации и возмещении убытков».

В современной Англии представительское судопроизводство считается весьма полезным, эффективным и надежным механизмом для получения либо судебного запрета в пользу группы лиц, либо декларации (т.е. судебного подтверждения правовой позиции лица).

Решение в представительском процессе, даже если оно носит декларативный характер, становится обязательным для всех членов группы. Но, как я уже говорил, *res judicata* — это своеобразная палка о двух концах: с одной стороны, представленные члены группы пользуются всеми преимуществами вынесенного решения, а с другой — принимают на себя любые риски неблагоприятного исхода. Короче говоря, они

¹ См.: Andrews N. *The Three Paths of Justice: Court Proceedings, Arbitration, and Mediation in England*. 2nd ed. Springer, 2018. Перевод на русский язык выполнен под ред. Р.М. Ходыкина, см.: Эндрюс Н. Система гражданского процесса Англии: судебное разбирательство, медиация и арбитраж. М., 2012.

должны с одинаковым смирением принять и сладкое, и кислое, как хорошие новости, так и плохие.

Суть представительского судопроизводства в том, что все лица, которые участвовали в нем через представителя, связаны окончательным (или промежуточным) решением по их делу. Они пользуются всеми преимуществами решения, принятого в их пользу, но в то же время претерпевают все негативные последствия своего проигрыша, включая невозможность в последующем предъявить иск по тем же основаниям от своего имени.

Если говорить о *GLO*, то решения, принимаемые судом по вопросам, затрагивающим всю группу в целом (т.е. общим вопросам), обязательны для всех членов группы.

Еще одним ответом на вызовы, связанные с множественностью схожих исков, является так называемый институт тестового дела. Иногда в судах одновременно рассматривается много взаимосвязанных дел. Например, если в области страхования или вообще в финансовой сфере произошло негативное событие и в суды хлынул поток исков от множества людей, пострадавших от одного и того же нарушения. В то же время здесь может быть большое количество разных ответчиков, вовлеченных в одну и ту же деятельность. И бывает так, что во всех этих делах может быть применена одна и та же норма по какому-либо ключевому вопросу, к примеру о применении исковой давности. Складывается интересная ситуация: множество разных исков потенциально подпадают под одно и то же правило, но применение этого правила еще предстоит выяснить в судах. В системе общего права хорошо, если соответствующая позиция будет высказана высшим судом, — тем самым появится четкий прецедент, который не только определит исход конкретного дела, но и станет ориентиром для всего юридического сообщества. Поэтому в такой ситуации мы приостанавливаем рассмотрение всех связанных дел, кроме одного — тестового, чтобы в ускоренном режиме получить решение по данному вопросу права. Как только это решение появляется, правовая позиция и перспективы становятся понятны всем остальным истцам, и дальнейшие судебные решения будут приниматься с опорой на эту позицию.

— **Вы высоко оцениваете нынешний механизм группового судопроизводства в Англии. В связи**

с этим у меня возникают два вопроса. Во-первых, существуют ли какие-то трудности с использованием этого инструмента? А во-вторых, если он в целом так хорош, почему его нелегко перенести в другие юрисдикции? Насколько мне известно, это сопряжено с некоторыми проблемами в России и в других европейских странах.

— Тот тип представительского судопроизводства, о котором я сейчас говорил, в целом характерен для нашей судебной системы и имеет давнюю историю. Я не раз писал, что это отличная процедура, которая является очень хорошим средством правовой защиты в случаях, когда вам нужно получить судебный запрет либо судебную декларацию.

Область, где мы, говоря откровенно, наблюдаем много трудностей (возможно, их нет в Америке, которая пошла своим путем), — это оценка потерь, понесенных большой группой людей, которые по определению не обращались в суд в индивидуальном порядке и не понимают конкретный размер собственных убытков. В итоге, когда вы пытаетесь оценить ущерб, причиненный всей группе в целом (так называемые агрегированные убытки), представительское судопроизводство становится своеобразной игрой в угадку. Английский подход состоит в том, что вы должны сначала определить общую сумму, причитающуюся группе в целом, а затем поделить этот крупный пирог на мелкие части, отражающие степень, в которой каждый участник группы на самом деле пострадал. Взвзвись за дело, вы сразу увидите, что доказывание здесь является по-настоящему сложной экономической задачей. Так что главной проблемой представительского судопроизводства в Англии я бы назвал именно вопрос о компенсаторных убытках. Общепринятая у нас позиция сейчас такова: возмещение убытков может быть присуждено в рамках процедуры представительского судопроизводства, но только если (а) суд может установить точную сумму убытков, понесенных группой, и (б) суд получил представление о том, как общая присужденная сумма возмещения будет разделена между членами группы. Этот двухступенчатый тест на первый взгляд прост, но исполнить оба его условия на практике очень сложно. А без них суд может принять несправедливое решение, например присудить слишком много или слишком мало. Кроме того, несправедливым может быть и распределение общей присужденной

суммы, поскольку принятие такого решения похоже на блуждание в темноте: у вас нет четких ориентиров, как эта немаленькая сумма денег должна быть разделена. Это может стать реальной проблемой, когда крупная присужденная сумма переводится на банковский счет юридической фирмы, но никто не знает, как правильно ее распределить.

Таким образом, мы с вами обсудили три механизма группового судопроизводства. Первый — объединение соистцов: любой, кто присоединяется к группе, становится соистцом, а само присоединение является абсолютно добровольным. Второй подразумевает регистрацию *GLO* с множественностью истцов и решение соистцов войти в реестр. Так что лицо, желающее стать членом группы, включается в соответствующий реестр *GLO*, т.е. должно подать заявление о вступлении в группу. Третий — представительское судопроизводство, имеющее долгую историю и вдохновившее американцев на создание их института коллективных исков. При этом английский опыт показывает, что такая форма подходит для вынесения судебных запретов и деклараций, а вот с возмещением убытков в ее рамках возникают сложности.

Теперь перейдем к четвертому, совсем новому механизму. Он закреплен в Приложении 8 к Закону о правах потребителей 2015 г. Это замечательный инструмент, который является групповым по принципу *opt-out* и поразительно похож на американский коллективный иск. Но эти положения не универсальны и применимы только в определенном контексте — в случаях нарушения антимонопольного законодательства, т.е. неких монопольных злоупотреблений или ограничительных практик, связанных со злоупотреблением конкурентным законодательством.

Прежде всего констатируется факт нарушения. Иначе говоря, антимонопольный орган выносит решение о том, что та или иная компания или группа компаний нарушили антимонопольное законодательство. В этом случае потерпевшим становится доступным средство правовой защиты, которое предполагает (согласно Приложению 8 к Закону 2015 г.) обращение в специализированный Апелляционный трибунал по вопросам конкуренции с запросом о возможности группового разбирательства в связи с этим антимонопольным нарушением. Это предварительное решение. Трибунал определяет, по какой модели — *opt-in* или *opt-out* —

будет формироваться группа. Если выбор сделан в пользу *opt-out*, то судебное разбирательство должен вести представитель группы.

У трибунала должна быть реальная возможность присудить возмещение компенсаторных убытков в пользу всей группы (т.е. совокупных убытков). Процесс расчета такого возмещения сложен и долг, он требует изучения обширной бухгалтерской и финансовой документации. Это можно назвать своего рода наукой. Причем речь здесь идет не о штрафных, а о компенсаторных убытках, т.е. общем ущербе, понесенном соответствующей группой лиц. Итоговая сумма компенсации перечисляется представителю, который, можно сказать, выступает в качестве доверительного управляющего. Сам трибунал не занимается распределением денег, но выдает обязательные рекомендации по этому поводу. Таким образом, отдельные члены группы должны связаться с представителем или получить уведомление о вынесенном решении, а затем подать индивидуальные претензии, чтобы получить часть этой общей суммы. Если в конце концов образуется некий остаток, который не может быть распределен (а такое случается нередко), он переводится на благотворительность. То есть не поступает ни в казну, ни юристам, ни представителю. Таков английский подход.

— Кто контролирует представителя как лицо, ответственное за распределение денег?

— Это очень важный вопрос. Представитель не является должностным лицом — зачастую он и сам понес убытки, т.е. это просто один из потерпевших. Впрочем, Закон о конкуренции 2015 г. содержит достаточно гибкие правила, позволяя назначить представителем даже лицо, которое не является пострадавшим. Это весьма интересный аспект. Представитель, конечно, должен иметь обширное юридическое сопровождение, поэтому, как правило, его обязательно консультирует известная юридическая фирма. И это, пожалуй, самая значимая часть данной схемы.

В свою очередь, суд, во-первых, устанавливает, должно ли производство быть групповым, а во-вторых, что очень важно, контролирует выбор того лица, кто будет представителем. Суд как носитель государственной власти вправе сказать: «Мы вам не доверяем, мы не чувствуем, что вы подходите на эту

роль». Для каждого случая могут назначаться разные представители.

— Как регулируется порядок выплаты вознаграждения представителям?

— Подготовка к делу не обходится без серьезной юридической работы. Это означает, что дело изначально требует значительных вложений. Поэтому юрфирме следует очень тщательно подбирать тех юристов, которые будут сопровождать соответствующего представителя. Когда они впервые предстанут перед трибуналом, им нужно будет убить сразу трех зайцев: 1) получить разрешение на групповое разбирательство; 2) получить от трибунала одобрение предложенной ими кандидатуры представителя; 3) получить от трибунала одобрение на участие самой юрфирмы, потому что суд будет учитывать ее квалификацию, опыт и репутацию. Суд не обязан утверждать первого же предложенного ему представителя. Напротив, он может отказать ему в праве представлять интересы группы. Между тем выбор представителя группы крайне важен. Ведь впоследствии, по мере движения дела, представитель будет постоянно взаимодействовать с судом. Для вынесения решения нужно совершить сотню разных процессуальных действий, и суды активно участвуют в рассмотрении дела.

Групповой иск по модели *opt-out*, предусмотренный в Законе о защите конкуренции, совсем молодой институт. Его основой служит наше пока еще скептическое отношение к групповому судопроизводству. Мы верим в доступ к правосудию и поэтому признаем, что нам нужны эффективные инструменты для коллективного разбирательства.

|| Правовая система, не имеющая гибких эффективных способов рассматривать групповые иски или вести процесс с множественностью лиц на той или иной стороне, сама по себе ущербна.

В современном мире без таких механизмов действительно не обойтись. Вопрос только в том, какой из огромного множества вариантов вы захотите включить в свою систему.

|| Английский опыт показывает, что представительское судопроизводство — не лучшая форма для взыскания компенсации.

У нас не так много случаев взыскания компенсаций в таком виде процесса. Но сейчас мы проводим этот эксперимент, реализуем пилотную схему со специализированным Апелляционным трибуналом по вопросам конкуренции. Эта работа еще в самой начальной стадии, но мы уже видим, что в рамках этого института предъявляются масштабные претензии на миллионы фунтов — огромные суммы, которые были потеряны соответствующей группой лиц за, возможно, многие годы нарушений. Теперь у нас есть способ справиться с этой проблемой в одной конкретной сфере.

Такой подход мы называем секторальным.

|| Если вы хотите ввести совершенно новый вид компенсаторных убытков в пользу группы лиц (то, что мы называем совокупными убытками), не стоит распространять его на все иски сразу.

Антимонопольный сектор — плодородная почва, потому что здесь мы имеем дело с крупными компаниями, которые незаконно обогащаются за счет множества потребителей. Их действия причиняют вред широкому пластам населения, возможно даже, в течение длительного периода времени. В этих условиях обеспечить людям такое средство защиты, как компенсация убытков, — довольно амбициозная задача, потому что предполагает выплату возмещения большой группе лиц, в течение 10, 15 или 20 лет страдавших от антимонопольных злоупотреблений.

— Можете назвать какое-нибудь дело в Англии (или Великобритании), которое в этом отношении является показательным?

— Есть одно дело, в которое была вовлечена компания — эмитент кредитных карт. В этом обширном судебном разбирательстве как раз был задействован антимонопольный механизм. Речь шла об огромных суммах, цена иска составляла приблизительно 1,6 млрд фунтов стерлингов.

Представитель группы получил разрешение на ведение процесса в Апелляционном трибунале по вопросам конкуренции. Вообще, в этом деле возникло немало технических моментов. Антимонопольные правила нарушались фактически 16 лет — с 1992 по

2008 г. Группа истцов насчитывала порядка 40 млн человек — жителей Великобритании в возрасте 16 лет и старше, которые пользовались кредитными картами этой компании.

Интересно, что Апелляционный трибунал поначалу отказался рассматривать этот иск в качестве группового *opt-out* иска, отметив, что данный инструмент не подходит для заявленной истцами цели. Отказ был обжалован в ординарном апелляционном суде, и тот отменил решение трибунала, посчитав его принятым с процедурными нарушениями. Это примечательный случай, когда само предварительное решение потребовало апелляции.

— Давайте поговорим о финансовой стороне коллективных исков. Кто на самом деле финансирует их? Как распределяются судебные расходы?

— Вопрос о судебных расходах имеет здесь принципиальное значение. Даже самая лучшая процедура группового судопроизводства, какой бы идеальной она ни была, окажется пустой тратой времени, если люди не смогут себе позволить ею воспользоваться.

Есть разные способы обеспечить ее доступность. Например, можно было бы финансировать групповые судебные процессы из бюджета, но государство сейчас не выделяет серьезных средств на коллективные разбирательства. Лет 20 назад было рассмотрено несколько исков, связанных с различными формами массовых деликтов, но исход тех дел был неудачным и оказался пустой тратой государственных ресурсов. Поэтому государство больше не проявляет энтузиазма и интереса к финансированию этой сферы.

Как результат, мы все больше задумываемся о частном финансировании. Естественно, юридические фирмы в Лондоне — это крупные коммерческие организации, цель которых — зарабатывать деньги. В принципе, крупный групповой иск может стать способом заработать — если расходы на его сопровождение будут оплачены. Я не думаю, что соглашения по типу «нет выигрыша — нет и оплаты» здесь могут кого-то устроить, потому что групповой иск, как я уже говорил, требует серьезных предварительных вложений. К тому же, если вы проиграете дело, вам придется возместить расходы другой стороне —

таково английское правило «проигравший платит». Иначе говоря, неважно, рассматривалось ли дело в Апелляционном трибунале по вопросам конкуренции, или это был представительский процесс, или судопроизводство по правилам *GLO*, — если вы проиграли, вы должны возместить победителю издержки, а они в большинстве случаев весьма и весьма высоки.

В некоторых случаях используется так называемая беспроигрышная система вознаграждения, когда адвокат в случае выигрыша получает гонорар успеха. Это один из способов побудить юристов принять на себя риск проигрыша: дать им понять, что в обратном случае, если они добьются победы, их вознаграждение будет больше, чем обычно. В то же время в Англии запрещено выплачивать юристам гонорар в размере процента от суммы, присужденной в судебном споре по антимонопольному *opt-out* иску. Британский парламент решил поэкспериментировать с коллективными исками (с совокупными компенсаторными убытками) и разрешить представителям подавать иск о возмещении убытков от имени группы, но ограничил поле эксперимента антимонопольной сферой. Когда заходит речь об оплате ведения процесса, адвокаты истцов могут заключить с ними соглашение об условном гонораре, оно же соглашение о гонораре успеха, на случай выигрыша. Но антимонопольные правила группового *opt-out* иска запрещают юристам брать оплату в виде доли от выигранной суммы (т.е. заключать *damages based agreement*, или *DBA*, — соглашение об уплате гонорара в размере процента от присужденного возмещения).

Английский *DBA* в Америке называется *contingency fee arrangement* — это соглашение об условном адвокатском гонораре, по условиям которого адвокат получает определенный процент от всей огромной присужденной группе суммы, включающей в себя штрафные убытки, особенно в рамках массовых деликтных исков. Некоторые американские адвокаты стали баснословно богатыми, выиграв всего одно крупное дело. В Англии и Уэльсе такое невозможно, потому что юрфирма получает только оплату ее услуг, может быть, бонус в рамках соглашения о гонораре успеха, но ни в коем случае не процент от выигранных сумм. Присужденные истцам средства предназначены исключительно им, и юристы не могут на них претендовать.

— Вы довольны этими правилами или считаете, что их следовало бы изменить?

— Я думаю, что мы должны осознать всю важность финансирования таких судебных процессов, потому что иначе мы получаем замечательный механизм, который используется не так часто, как хотелось бы.

Прежде всего вы должны решить, нужен ли вам такой институт, как групповой иск. И если он вам нужен, то, значит, вы должны сделать его работоспособным. Вы не можете всю жизнь оставаться в подвешенном состоянии — изобрести что-то, но так никогда и не решиться это использовать.

Решение ввести систему коллективного судопроизводства, включая групповые иски, говорит о том, что вы нуждаетесь в этой процедуре как в ответе на ряд серьезных трудностей. Другими словами, в обществе все идет не так и люди несут убытки, но существующие традиционные гражданско-процессуальные средства не справляются с возникающими проблемами.

Государство не в состоянии всегда и везде быть универсальным регулятором. Поэтому нужна частная инициатива в судопроизводстве, дополняющая публичное регулирование.

Такое сочетание публичного регулирования и системы частной инициативы необходимо в каждом обществе.

Здесь мы можем вспомнить о фигуре частного генерального атторнея (по крайней мере, так ее называют в литературе). Но опять же возникает вопрос о финансировании этого разбирательства. Видимо, настала пора задуматься о дополнительных стимулах, позволяющих вовлекать юристов в высокорисковые масштабные судебные разбирательства. Такой процесс по определению нестандартен — одно только получение разрешения на его ведение требует огромных вложений. Кроме того, нужно продумать систему оплаты расходов, чтобы в случае проигрыша судебные издержки, подлежащие возмещению выигравшей стороне, были справедливо распределены между людьми, финансировавшими процесс. Как видите, существует множество процедурных вопросов, касающихся финансирования этого судебного процесса. ²